

УДК 9(571.1/.5)

Дело «О ссоре между духовными и гражданскими властями в Сибири»^{*}

Н. П. Матханова

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

Аннотация. Публикуются документы из фондов Российского государственного исторического архива по нашумевшему в свое время делу о наказании протоиерея Орлова исправником Лоскутовым. Доведенное противоборствующими сторонами до высших правительственных инстанций, оно стало одной из причин падения сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля и иркутского губернатора Н. И. Трескина. В документах содержатся важные сведения о жизни, деятельности и взаимоотношениях чиновников и представителей духовенства, а также о тофаларах (карагасах), в частности об их численности в 1817 г.

Ключевые слова: сибирская администрация, Иркутская губерния, Н. И. Трескин, Русская православная церковь, Иркутская епархия, епископ Михаил (Бурдуков), тофалары.

Формулировка «Дело о ссоре между духовными и гражданскими властями в Сибири» не раз встречалась в документах Комитета министров и Первого Сибирского комитета [25; 26], рассматривавших конфликт между иркутским епископом Михаилом (Бурдуковым) и губернатором Н. И. Трескиным. Те же события освещены с точки зрения духовного ведомства в делах из фонда канцелярии Синода [24]. Некоторые документы сохранились в копиях, представленных противоположной стороной в качестве компрометирующего материала.

Причиной конфликта стало избиение священника Орлова по приказу любимца губернатора исправника Лоскутова. События эти в свое время произвели сильное впечатление на современников, о них не раз писали мемуаристы. Сопоставление их рассказов с публикуемыми документами свидетельствует о том, что почти все они воспроизводили точку зрения духовенства, а в ряде случаев и опирались на представленные им документы.

И. Т. Калашников утверждал, что «Лоскутов питал к протопопу непримиримую ненависть за его смелое правдолюбие и искал случая нанести ему оскорбление», а сам Орлов был человеком почтенным и умным [10, с. 313]. Архиепископ Нил считал, что «губернатор Трескин был в открытой вражде с Архиепископом» и подчеркивал, что «честолюбец» Трескин стремился «подобрать и духовных, наряду с прочими, под свою ферулу» [14, с. 555]. Э. И. Стогов, на-

^{*} Подготовлено в рамках гранта РГНФ № 14-01-00217а. Благодарю за содействие О. Д. Амосову (РГИА).

ходившийся в Иркутске в 1818 г., передавал рассказы иркутян о Михаиле – по их мнению, это был «истый монах, смиренный, кроткий... весьма ученый», но «по доброте и смирению своему» епископ «распустил духовенство» [29, с. 102]. Анонимный автор очерка о епископе Михаиле писал со слов известного иркутского протоиерея П. В. Громова, что архиерей был в большой дружбе с губернатором, «ни одно увеселение в семинарии, ни одна дружеская беседа в доме владыки не обходились без участия Николая Ивановича». Более того, «друза с преосвященным Михаилом, Трескин стал и к духовенству относиться очень и очень дружелюбно» [8, с. 12]. Конфликт же был спровоцирован исключительно поступком Лоскутова, рассказ о котором воспроизводят документы консистории. В конце его говорится: «По доносу преосвященного Михаила дан был министром (А. Н. Голицыным. – *Н. М.*) ход, следствием чего вскоре Пестель, а вместе с тем и Трескин был сменен, и мало того, и тот, и другой отданы под суд, окончившийся для них очень и очень печально» [8, с. 17]. В примечании говорится: «Орлов и сам не отрицает того, что он был пьян, но официально в своих бумагах этого не заявлял. Признавался же в том несколько позднее и при том в частных беседах» [8, с. 15–16]. Аналогична по содержанию неподписанная заметка в газете «День», перепечатанная с некоторым сокращением в «Северной пчеле». Заметка начиналась со ссылки на недавно прочитанную книгу Корфа «Жизнь графа Сперанского», напомнившую автору его знакомство с самим Сперанским и с Лоскутовым. Мемуарист описал облик исправника, охарактеризовал его действия как чиновника и подробно описал применявшиеся им к поселенцам и крестьянам жестокие наказания. Скандальный случай с протопопом, «человеком почтенным и умным», автор объяснял давней враждой с ним исправника. И в этом рассказе, как и в приведенном выше, упоминалось о том, что во время завтрака у Лоскутова «подгуляли, может быть с намерением... и завели с протопопом ссору. Когда она усилилась и превратилась в брань, Лоскутов приказал схватить протопопа и собственноручно ремнем отсчитал ему с полсотни ударов. Протопоп уехал из урочища и окровавленную рубашку послал архиерею, а тот препроводил ее в синод. Тогда был министром духовных дел князь Голицын, человек набожный. Император Александр был тоже государь религиозный – падение Трескина и Пестеля решено. В Сибирь послан Сперанский» [6, с. 11–12].

И. Б. Пестель признавал связь истории с протопопом и падения самого Пестеля и Трескина. Бывший сибирский генерал-губернатор объяснял конфликт тем, что епископ был дружен с С. А. Гарновским, возглавлявшим, по словам Пестеля, его противников. Дружба эта была якобы основана на общей любви к выпивке, а сам архиерей «защищал пьяных попов», которые «разъезжали по губернии и грабили» сибирских инородцев. Пестель утверждал, что именно Гарновский был автором «доносов» епископа министру духовных дел А. Н. Голицыну и что, опровергнув донос, он сам предложил, «чтобы Монарх сам избрал надежного и его доверенности достойного человека, который мог бы на месте удостовериться» в правоте генерал-губернатора [15, с. 400–401]. Хотя слова о причастности Гарновского к сочинению жалобы епископа не подтверждаются документами, но Комитет министров рассматривал доносы Гар-

новского на злоупотребления в Иркутской губернии и «дело о ссоре, вышедшей в Иркутской губернии между духовным и гражданским ведомством» одновременно.

Историки, начиная с М. А. Корфа и В. И. Вагина, склонны признавать правоту духовенства. Вагин считал, что «знаменитое дело протоиерея Орлова» послужило «одной из причин падения Пестеля» [7, с. 38–39, 94]. В обобщающем очерке истории Иркутской губернии указывается: «Чашу терпения архиерея Иркутской епархии епископа Михаила переполнил поступок нижеудинского исправника Лоскутова, который высек протоиерея Орлова» [9, с. 94]. Еще М. А. Корф в биографии М. М. Сперанского привел слова Михаила из его письма А.Н. Голицыну [11, с. 170]. Затем они не раз повторены исследователями [9, с. 94–95; 27, с. 65–66]. А. В. Ремнев считал, что падение Пестеля стало следствием внутренней противоречивости существовавшей системы управления, а дело Орлова было одним из многочисленных конфликтов генерал-губернатора и губернатора с представителями других ведомств и купечеством [27, с. 52–70].

Публикуемые документы существенно дополняют имеющиеся сведения о конфликте – его остроте и масштабе, вовлеченности в него рядовых казаков, крестьян, инородцев, методах борьбы и аргументах сторон. В частности, бросается в глаза стремление и чиновников, и священников обвинить своих противников в спаивании инородцев и препятствии успешному сбору ясака, что нанесло ущерб интересам монарха и государства. Они дают также возможность увидеть многие детали жизни, деятельности и взаимоотношений чиновников и представителей духовенства. Юридическая подоплека спора заключалась в разной трактовке сути события. Губернские власти утверждали, что Орлову нанесена частная обида, консистория – что он находился при исполнении служебных обязанностей, а потому и обида не была частной. Обличая друг друга, представители светской и церковной администрации приводили немало фактов неблагоприятного поведения тех и других. Из слов Лоскутова и его подчиненных следует, что вообще никакого телесного наказания не было, а была банальная пьяная драка, зачинщиком которой, к тому же, выступал сам священник. Стороны прилагали усилия для перевода своего спора на более высокий уровень, и, в конце концов, им занялись Комитет министров и Александр I, а в 1826 г., обнаружив среди бумаг покойного императора письмо епископа Михаила А. Н. Голицыну, о нем запрашивали Комитет министров и Николай I [27, л. 64].

В документах имеется также ряд деталей из жизни тофаларов (до 1934 г. их называли карагасами), отношения к ним чиновников и священников, безуспешности миссионерской деятельности и т. д. Зафиксирована в них и практика съезда карагасов в конце ноября для уплаты ясака, встреч с чиновниками, торговцами и священниками. Приводимых Лоскутовым сведений о численности карагасов в 1817 г. (546 чел.) нет в сводной таблице Л. В. Мельниковой [12, с. 35].

Полная публикация обоих дел невозможна и нецелесообразна: они довольно объемны, в них имеется множество повторов, неизбежных при существовавшей практике делопроизводства. В то же время этот источник представ-

ляется настолько ценным и интересным, что недостаточны его пересказ и цитирование, поэтому 8 документов публикуется полностью, один – в отрывках, из двух документов приведены цитаты и аннотации.

В заключение приведены отрывки из журнала Комитета министров, подводящего итоги рассмотрению дела высшими инстанциями.

Публикация осуществляется в соответствии с «Правилами издания исторических документов». Орфография приведена к современным нормам, с сохранением некоторых архаических характерных написаний (*репорт, это, ево, домы, генварь, щастие, оченно, пришед, надпоминание, ясаиные, напред, про-известь, есть ли* и др.) и окончания *-ой* в прилагательных в ед. ч. именит. падеже вместо *-ый/-ий* (*народной, которой* и т. п.); написание *щет* безоговорочно исправлено на *счет, зделать, зделан* и т. п. – на *сделать, сделан* и т. п., *по прежнему* – на *по-прежнему*; пунктуация также исправлена безоговорочно; имена собственные и слова *козак* и *казак* печатаются в том виде, в каком они даны в документе. Остальные исправления и другие примечания текстуального характера даются после каждого документа в виде буквенных сносок. Под ними приводятся необходимые пояснения и иные примечания содержательного характера, в тексте они обозначены цифровыми сносками.

Дело началось с прошения городского протоиерея Нижнеудинска И. П. Орлова. Само прошение обнаружить не удалось, но его содержание ясно из донесения Иркутского епископа Михаила (Бурдукова) в Синод и письма самого Орлова некоему члену Иркутской духовной консистории – по мнению иркутских чиновников, архимандриту Павлу.

№ 1. Письмо протоиерея И. Орлова. 10 декабря 1817 г.

Пол[учено] 25 декаб[ря] 1817

Копия с письма нижеудинского протоиерея Орлова от 10 сего декабря 1817 к одному из членов Консистории

Прежде, нежели начинаю писать, слезы останавливают перо мое. Причиною сего ужасное происшествие, случившееся со мною в лесу у карагасов 6-го числа сего месяца. Исправник Лоскутов¹, бывший там, успел сделать со мною все то, что только могла выдумать его злоба, – руки его разбили мою голову, ноги – ребра – словом, всякая часть тела моего страдала ужаснейшим образом – и даже самые ремни сделали на теле моем жестокие раны – но защититься там было нечем: ибо все его были почти подданные. Единомышленник его Зенков играл ролю^а палача, а казаки были прислугою, вот что со мною сделано. Пятой день назад тому сего дня, – но еще не могу совершенно опомниться, боль в голове и на теле еще продолжается. К утешению себя в сем положении я не нахожу иного способа, как только бежать – к Вам в Иркутск, и пасть к стопам моего Архипастыря, я уверен, что он извинит в том, что сие я сделаю без предварительного прошения. Здесь оставаться нельзя ни на минуту – ибо Лоскутов напишет г[осподину] губернатору и дело пойдет в его пользу.

С подлинным верно: письмоводитель студент философии Василий Зарин

^аТак в ркп.

¹ Лоскутов Евграф Федорович, титулярный советник, нижеудинский земский исправник [4, с. 378].

РГИА. Ф. 1264, Сибирский комитет. Оп. 1. Д. 79. Л. 45–46. Копия. Приложена под литерой А к записке Н. И. Трескина от 31 января 1818 г.

№ 2. Донесение Иркутского епископа Михаила в Синод. 26 декабря 1817 г.

В Святейший Правительствующий Синод

Михаила, Епископа Иркутского, Нерчинского и Якутского и кавалера¹

Покорнейший репорт

Нижеудинского Духовного правления присутствующий протоиерей Илия Орлов, в поданном ко мне на Всевысочайшее Его Императорского Величества имя прошении жаловался на Нижеудинского исправника Лоскутова в том, что он причинил ему в бытность его для крещения младенцев и исправления треб у кочующих народов, называемых карагасами^а, крещеных, битьем и сечением^б по обнаженному телу тяжкую обиду. Почему, по сношению с здешним Губернским Правительством, для произведения о сем обстоятельстве на месте следствия командирован священник, а со стороны духовной депутат: о чем Святейшему Правительствующему Синоду к сведению репортую, что же по произведении следствия окажется, не премину особо донести.

Вашего Святейшества

Нижайший^в Послушник

Михаил, Епископ Иркутский^в

№ 538-й

26 декабря 1817-го

^аИспр., в ркп. карагасов; ^бв ркп. исправлено на ять в слове сечением; ^{в-в}автограф.

¹ Михаил (Бурдуков Матвей Герасимович), епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский в 1814–1830 гг., с 1826 г. архиепископ, в 1816 г. причислен к кавалерам ордена Св. Анны 1-й ст. [13, с. 88; 14, с. 558].

РГИА. Ф. 796. Оп. 99. Д. 130. Л. 1. Пометы: № 993 6-го февраля 1818-го; № 22. Слуш[али] 11 февраля 1818 [года].

№ 3. Объяснительная записка И. Орлова. 22 декабря 1817 г.

Преосвященнейший Владыко!

Милостивейший Архипастырь [!]

Вследствие требования Вашим Преосвященством с меня о самовольной моей из города Нижеудинска отлучке объяснения сим честь имею почтеннейше объясниться:

1-е. Главною причиною, побудившей меня без предварительного позволения от Вашего Преосвященства выехать из города Нижеудинска в Иркутск, было случившееся со мною одно происшествие в юртах у кочующих крещеных ясашных, называемых карагасами, у коих быв я по должности моей, претерпел

от исправника Лоскутова и отставного чиновника Зенкова 6-го числа декабря тяжкую обиду, подробно изъясненную в поданном к Вашему Преосвященству на Всевысочайшее имя от меня прошения.

2-е. По случившемся происшествии прибыл я 7-го числа того же месяца в дом свой и быв три дня болен, не в состоянии был с первою почтою написать к Вашему Преосвященству о увол[ь]нении меня в Иркутск прошения.

3-е. Зная, что исправник Лоскутов, находясь под сильной защитою здешнего господина губернатора, мог бы в оправдание свое, не ожидая следующей почты, с нарочным донести ему о случившемся со мною происшествии совершенно в другом виде, и тем обессилить мою претензию. Доказательством чему служить может то, что я, проезжая из Нижнеудинска, дорогою остановился 14-го числа сего месяца в Тельминской фабрике, мимо коей проехал тогда якобы статской курьер, по приезде же в Иркутск узнал: что сей был нарочно посланный от исправника Лоскутова казак к г[осподи]ну губернатору, вероятно, с известием о сем происшествии. Каковые причины и обстоятельства предоставляя прозорливому благорассмотрению Вашего Преосвященства, осмеливаюсь испрашивать великодушного прощения.

За сим смею довести до сведения Вашего Преосвященства самим мною виденные^а и слышанные от других деяния исправника Лоскутова, кои суть следующие.

1-е. Исправник Лоскутов, находясь, как изображено выше, под сильною защитою здешнего г[осподи]на губернатора, присвоил себе власть более, нежели как предоставлено законами. Он, проезжая вверенные ему селения нередко в десяти повозках^б, запряженных в каждую по три лошади, остановившись, проживает от 20-ти и до 30-ти дней в одном селении, в коем с прислугою своею, из казаков и служителей состоящую от 10-ти до 15-ти и до 20-ти человек, пользуется всей провизией от крестьян, за что хотя и чинит уплату, но самую умеренную, да и то за половину выставленной провизии. Поелику старосты и старшины, доставляющие оную, зная строгой его характер, не смеют выставять ему на счет всего, что ими на содержание его и свиты употреблено.

2-е. Дабы усилить власть свою и сделать крестьян безмолвными против чинимых им угнетений,^в употребляет с оными невероятную жестокость: так что весьма редко проезжает одно селение, чтоб не высечь в оном плетями или розгами по крайней мере не менее пяти человек; что случилось и в виде моем. Быв я нынешнего 1817 года по должности в Кимильтейской слободе, сам лично видел, как он перед выездом своим из оной сек жестоко лозами волостного голову, старосту и трех человек крестьян и по окончании наказания оставшиеся лозы положены были в особую повозку^г, что и всегда таким образом бывает, да и самые плети, для сего нарочито сделанные, возит с собой. А в августе месяце в том же Кимильтейском селении сек того ж голову и человек до 30 крестьян, якобы за неспешную чистку дороги. В то же, кажется, время высек жестоко лозами уянского крестьянина Сергея Шараглазова, лет 60-ти с лишним от роду, которой и объявил о сем приходскому священнику Матфию Корнокову, – всех же его таковых поступков я никак исчислить не могу – ибо оных по дошедшим до

меня сведениям бесчисленное множество. Да и нет, кажется, ни одного селения, в коем бы он не наказывал по крайней мере 10-ти человек, а в некоторых и более.

3-е. Быв я сего ж года в марте месяце в Братском остроге, узнал от тамошнего бывшего священника Василья Чирцова, что крестьяне той волости до прибытия к ним исправника Лоскутова собраны были в означенную слободу со всех селений Братской волости около пяти сот человек, где ожидали его более недели, и в виду моем по приказанию его, как уверяли меня некоторые крестьяне, приносили ему поклонное, т. е. хлеб и соль таким образом: [с] каждого дома, сколько во всей той волости оных имеется, хозяин должен нести к нему один печеный хлеб, положи на оный^д 10-ть белок или одного или более соболей, коих там промышляют, а некоторые с сим хлебом приносили из рыб осетров, тайменей или другой свежей рыбы возможное количество. По собрании же сего якобы благодарного и добровольного приношения отправился он со всею свитою своей и сим приобретением включительно и самых хлебов из Братского острога в 20-ти повозках^е, запряженных более, [чем] 50-ю лошадьми^ж.

4-е. В уезде города Нижнеудинска находятся кочующие крещеные яшашные, называемые карагасами, кои по обыкновению своему собираются один раз в год в одно место расстоянием от города верстах в 30 и более для платежа ясака и для покупки от жителей города и подгородной слободы необходимо нужных припасов и вещей, как то: ржаной муки, соли, котлов, топоров, ножей и прочего; каковой торг наперед сего продолжался свободно, и был выгодной как для самих карагасов, так и для жителей, – но назад тому около четырех лет означенная торговля совершенно переменялась – потому что исправник Лоскутов в то время, когда начинают собираться на одно место карагасы, посылает одного или двух казаков в их улусы с тем, чтоб они до съезду не выпускали ни одного из жителей города и слободы – по получении же сведения о их сборе отправляется к ним сам с отставными чиновниками Заболоцким¹ и Зенковым и с прочей прислугой для осмотра ясака, которой они собирают прежде, нежели явятся на означенное место, и оной хранят у старшин своих. Исправник же, приехав в улусы, прежде дарит им на каждой улус по ведру вина, за что они в знак якобы благодарности приносят к нему по десяти и более соболей от каждого улуса, коих числом пять, потом ходит в каждую их юрту, в коей, подав хозяину и хозяйке по чашке вина, дарит их бумажными платками, за что они, то есть муж и жена, кладут к ногам его по лучшему соболю, кои он получив, ходит в другую, взяв с собою постоянную в юрте на месте, где ему сидеть должно, медвежью или оленью кожу. Чиновники же Зенков и Заболоцкий собирают в то время с карагасов свои долги, каковой сбор чинят с величайшим насилием, а паче чиновник Зенков, которой, дав в долг карагасу, напр[имер], один фунт табаку, стоящий одного рубля, записывает уже пять рублей, за кои на следующий год требует соболя от десяти до пятнадцати рублей. Прожив же в улусах дней 10-ть и более, выезжает из оных, отобрав у карагасов все, что они могли упромышлять; а потом ни один почти карагас после этого не имеет, чем заплатить долга другому заимодавцу.

5-е. По выезде своем паки оставляет у карагасов одного или двух казаков для того, дабы они, не впуская к ним никого из рус[с]ких, немедленно разогна-

ли всех карагасов по разным местам. По каковым обстоятельствам жители города и слободы, не имея случая въезжать в улусы, лишаются за даваемые ими карагасам вещи уплаты – и более не решаются никого из них одолжать. По каковому случаю карагасы принужденными находятся получать нужные для них припасы и вещи от вышеописанных чиновников Зенкова и Заболоцкого за самую дорогую цену. Сии же, видя в сем случае содействие исправника и необыкновенный прибыток от сей торговли, сиятся одни, а паче Зенков, задолжать карагасов, кои по необходимости, получая от них для себя нужное, от чрезвычайного платежа совершенно почти пришли в упадок, каковой хотя и в полной мере чувствуют, но как народ необразованный, малоосмысленной и без всяких правил и сведений, не смеют и даже не могут принести жалоб тому, от кого бы могли получить защиту – кроме того только, что удивляются перемене своей торговли, жалеют о сем, и слабо изъясняясь, некоторым из русских говорят: «За что исправник Лоскутов и Зенков берут от нас все соболи, белку и прочие упромышленные наши пушные³ товары»; – и даже прямо называют их грабителями. Впрочем, зная строгий характер исправника, не смеют не удовлетворять всем его требованиям и опасаются сделать ему вызов о позволении по-прежнему приезжать к ним для свободной⁴ торговли рус[с]ким.

6-е. К означенным карагасам по всегдашнему обыкновению выезжали и приходские священники для проповедания слова Божия и исполнения христианских треб, как то крещения их младенцев, коих они в селения к русским никогда не вывозят, для напутствия⁵ больных и прочего; ныне же хотя таковой выезд и продолжается, но не иначе, как с позволения исправника Лоскутова, да и то тогда, когда уже сам он туда отправится.

7-е. Приходские священники во время пребывания в улусах, хотя и стараются внушать имеющим слабое понятие о вере карагасам Слово Божие и правила веры, но сии старания всегда почти бывают тщетны, ибо карагасы в то время заняты бывают исправником Лоскутовым и чиновниками Зенковым и Заболоцким, у юрты первого, неизвестно по каким надобностям, толпятся они беспрестанно, а вторые занимают их сбором долгов своих, что продолжается иногда более десяти дней; священники же по причине верховой к ним езды не могли привезти с собою для лошадей достаточно корму, не более проживают у них четырех дней, по каковым неудобствам и по вышеизъясненному со стороны исправника препятствию карагасы навсегда остаются в неведении о христианской вере, впрочем из великого их к духовенству уважения и исполнения некоторых наружных христианских обрядов весьма приметно сильное их желание иметь подробное понятие о вере, но без содействия местного начальства священники удовлетворить их в полной мере не могут, почему и донныне остаются они во тьме неведения, и наконец,

8-е. Исправник Лоскутов, как приметно из грубого его с духовными особами обхождения, имеет ко всему почти духовенству презрение, поносно злословит многих священников, что нередко случалось и при некоторых крестьянах, и даже силится иметь под властью своею все в уезде его находящееся духовенство.

Описав по самой сущей справедливости деяния нижеудинского земского исправника Лоскутова и предав оные благорассмотрению Вашего Преосвященства, именем всего тамошнего духовенства покорнейше прошу от угнетения¹ сего Архипастырским покровительством защитить.

Вашего Преосвященства

Нижайший послушник

Нижеудинского^М вознесенского собора

протоиерей Илия Орлов^М

Декабря^Н дня 1817 года.

^а Вписано над строкой; ^б испр., в рkp. повосках; ^в испр., в рkp. угнетениях; ^г испр., в рkp. повоску; ^д испр., в рkp. оную; ^е испр., в рkp. повосках; ^ж испр., в рkp. лошадьми; ^з испр., в рkp. пышные; ^и испр., в рkp. слободной; ^к испр., в рkp. напудствия; ^л испр., в рkp. угнетении; ^{М-М} автограф; ^Н в рkp. пропущена дата.

¹ Вероятно, Заболоцкий Иван Васильевич, бывший в 1807 г. частным комиссаром Якутского земского суда [1, с. 359], его брат Павел Васильевич Заболоцкий был предшественником Е. Ф. Лоскутова на должности нижеудинского земского исправника [1, с. 356].

РГИА. Ф. 796. Оп. 99. Д. 130. Л. 84–87 об. Помета: П[олучено] дек[абря] 22 д[ня] 1817-го. Приложена под литерой А к донесению епископа Михаила от 26 декабря 1817 г.

№ 4. Донесение Иркутского епископа Михаила в Синод. 13 февраля 1818 г.

В Святейший Правительствующий Синод

Михаила, Епископа Иркутского, Нерчинского и Якутского и кавалера

Покорнейшее доношение

После отправленного от меня в Святейший Правительствующий Синод от 26 декабря минувшего года за № 538-м во известие Репорта, относительно причиненной Нижеудинскому протоиерею Илие Орлову тамошним исправником Лоскутовым битьем тяжкой обиды, начатое по оному следствие чрез откомандированных от Иркутского губернского правительства двух чиновников и секретаря при Депутате здешнего Вознесенского монастыря архимандрите и семинарии Ректоре Павле, производилось со стороны следователей с явною понаровкой ответчикам и с предубиждением^а депутата, к совершенному закрытию и помрачению истины; что все значится в прилагаемой у сего записки, извлеченной из всего дела. Почему консистория имела основательные причины от губернского правительства требовать оных следователей, яко пристрастных, от следствия удалить, а определить других, благонадежных; также удалить во время производства сего следствия от должности исправника Лоскутова, но сие требование отвергнуто.

В сих стесненных обстоятельствах, по силе Духовного Регламента части 3-й пункта 10-го¹, Святейшему Правительствующему Синоду открываю мою нужду, яко обидимый^б в лице тяжко обиженного протоиерея, по сие время проходившего должность свою беспорочно и с похвалою даже от начальника губернии; и осмеливаюсь спрашивать милостивого от Вашего Святейшества защищения^в и управы, где надлежит. Истина изъясненного в записке происшествия, случившегося у карагас[ов] между протоиереем Орловым и исправником Лоскутовым, не может, по моему мнению, открыта быть иначе, как если,

во-первых, не будет удален Лоскутов от настоящей должности; а, во-вторых, если не будет назначена особенная комиссия из чиновников другой губернии, а отнюдь не Иркутской. Причины к тому и другому заключены по чистой совести, без всякого пристрастия, не яко доноситель, но как обязанный присягою, совестью и честью, открывать явные неправды, предлагаю в нижеследующих пунктах:

1-е. Сильное и особенное покровительство, начальником губернии оказываемое Лоскутову как единственному доброму чиновнику по здешней губернии, несмотря на то, что он за взятки¹ и пр. по решению здешней палаты признан не достойным к определению впредь к делам по земской части, явно показывает пристрастие г[осподина] губернатора, которой сверх того данным вышеупомянутой палате предложением своим о неподвергании его, Лоскутова за упущение своей должности наравне с прочими пени и штрафам, оскорбляет не только других служащих по земской части, но и всякого благомыслящего гражданина.

2-е. Исправник Лоскутов, пользуясь вышеозначенным покровительством г. губернатора, позволяет себе всякого рода бесчеловечные поступки и несправедливости с людьми не только своего ведомства, но и с проезжающими. Не глас, но вопль народной, докажет следователям истину сию. В некоторое однакож пояснение ее прилагаю у сего поданное мне декабря 22 дня минувшего года объяснение протоиерея Орлова под лит[ерой] А². Но это как будто посторонние дела, вот мое:

3-е. Из многих дел, представляемых ко мне Нижнеудинского ведомства на священно- и церковнослужителей, доказывается, что следствия начаты и окончены единственно по настоянию Лоскутова, которой, проезжая свою округу, обыкновенно в каждом селе при первом приезде в оное делает вопросы: нет ли жалоб на попов? На отрицательной ответ следуют плети. Плетями доказывается дело; и мне представляется на окончательное решение. С плачем я штрафовал некоторых, на коих доказана вина из-под плетей.

4-е. При начатии сего дела я счел за нужное, хотя может быть и неблагоприятно, поусоветить г. Лоскутова в соблазнительных его поступках, и для того писал к его матери и вместо духовника его, которой не был мне известен, Нижнеудинского духовного правления присутствующему священнику Лахину: последний что мне отвечал, о том репорт его прилагаю при сем под лит[ерой] В.; а вместо ответа от первой, слышно, от сына ее прислана копия с письма моего к г[осподину] губернатору, неизвестно, на какое употребление³.

5-е. Депутат по сему делу, Вознесенский архимандрит Павел, которой отправлен мною в ваканциальные святочные дни не для депутатства точию по сему делу, но паче для проповеди Слова Божия и у карагасов, младенчествающих в вере, и у братских идолопоклонников Балаганских, Аларских и Идинских, воспрепятствован в сем святом деле исправником Лоскутовым, что доказывается репортом его, архимандрита, у сего же прилагаемым под лит[ерой] С.

Наконец 6-е, ежели есть злодейства, не говорю действительные, но и вымышленные: оные исправник Лоскутов готов по своему бесчеловечию возводить на духовных и бедных поселян, и уполномочен своим начальством производить следствия по оным и решить самоуправно. Что все, а может быть, и другие страшные злоупотребления, до ущерба Его Императорского Величества

интереса касающиеся, легко могут быть открыты комиссиею, составленною из чиновников другой губернии, а не Иркутской, и чрез удаление исправника Лоскутова от настоящей его должности. На что и осмеливаюсь ожидать указного предписания.

Вашего^д Святейшества
нижайший послушник
Михаил, епископ Иркутский^д.

^аТак в ркп; ^бтак в ркп; ^втак в ркп; ^гиспр., в ркп. всятки; ^{д-д}подпись-автограф.

¹В этом пункте указано: «Когда епископ, или меньший служитель церковный, обиду терпит от господина некоего сильного, хотя на него не в Коллегиуме Духовном, но в Юстиции Коллегиуме или после ж де в Сенате управы просить надобно; однакож и Духовному Коллегиуму нужду свою откроет обидимый. И тогда Президент и все Коллегиум, подая помощь обидимому брату, пошлют от себя мужей честных просить скоро управы, где надлежит» [16, с. 345. № 3718].

²См. документ № 3.

³Епископ писал матери Лоскутова: «Почтенной сын ваш Евграф Федорович, как премногие достойные вероятия люди многократно уверили меня, не только против подвластных себе, но и против посторонних употребляет крайнюю жестокость, бесчеловечие и несправедливости разного рода. Ныне же дошло до моего сведения, что нижеудинский протоиерей Илия, человек Вам известный, насильным образом наказан им телесно и бит его руками до крови». Он просил мать убедить сына отстать от зла, иначе придется «огласить его пред церковию яко упрямого преслушника оныя» [24, л. 33–34]. Священник И. Лахин специально ездил к Лоскутову в Бирюсу и «сколько можно убеждал отстать от соблазнительных дел его, но он не токмо не принес сердечного раскаяния, но даже с свойственною его характеру злобою сказал мне, что он ничего о происшествии, случившемся с протоиереем, не знает, и что о всех делах его знает один Бог» [Донесение И. Лахина епископу Михаилу: 26, л. 89–89 об.].

РГИА. Ф. 796. Оп. 99. Д. 130. Л. 74–76. Пометы: № 997-й 1-го апреля 1818-го. К докладу. Слушали 1 апреля 1818 года.

Иркутской духовной консисторией была подготовлена «Записка, извлеченная из дела, производимого по жалобе Нижнеудинского Вознесенского собора протоиерея Илии Орлова на тамошнего исправника Лоскутова и отставного коллежского регистратора Зенкова, в причиненной последними первому в Карагасских улусах тяжкой обиде и о прочем» [24, л. 78–83]. В ней пересказывается записка И. Орлова к епископу, переписка консистории с губернским правительством, рапорт архимандрита Павла.

Консистория требовала поручить следствие «не нижеудинским чиновникам, а кому-нибудь из благонадежных иркутских, исправника же Лоскутова во время производства следствия от должности удалить». Губернские власти отказывались на том основании, что «чиновников от должностей по частным прошениям о обидах» удалять не положено. Тезис о частной обиде был одним из важных пунктов, по которым позиции сторон кардинально расходились: духовные власти настаивали на том, что обида была не частной, так как оскорбление было нанесено духовному лицу во время исполнения им своих обязанностей. Еще одно важное расхождение заключалось в том, что, по версии гражданской администрации, Орлов обвинял отставного коллежского регистратора Зенкова, а исправник Лоскутов оказывался лишь «прикосновенным». Следствие было поручено «ассессору Иркутской палаты уголовного суда Попову вме-

сте с нижеудинским уездным судьей Гриценковым и секретарем тамошнего уездного суда Галичининым». Консистория назначила депутатом с духовной стороны «члена консистории, семинарии ректора, Вознесенского монастыря архимандрита Павла».

Из рапорта Павла следует, что губернские чиновники не приглашали его на заседания следственной комиссии. Однако на квартире асессора Попова ему удалось подписать два журнала комиссии. В первом предполагалось истребовать «от протоиерея Орлова объяснения в некоторых неясностях, открывшихся в его прошении», удалить «от исправника Лоскутова прикосновенных к делу казаков», запретить «карагасам входить в дома чиновников Зенкова и Заблоцкого». Однако на деле «казаки до 11-го числа генваря были беспрестанно при исправнике, и с ним вместе того же дня в город приехали, ... около двух недель из свидетелей карагас[ов] ни один не был спрошен». Во втором говорилось «о даче вопросных пунктов Лоскутову, Зенкову и лекарю Солухину и о допросе козаков, коль скоро они будут отобраны от Лоскутова». Далее Павел сообщал: Зенков на словах заявлял, что «он ничего не знает, и что ничего не было», но следователи не записали этого в журнал. Когда 10 января архимандрит явился без приглашения следователей в квартиру асессора Попова, то «нашел пред ними Зенкова, подавшего уже им ответы, которые читал вслух асессор Попов, а Гриценков и Зенков слушали. Неожиданное его, архимандрита, появление в комнату прекратило сие чтение, которое, приметно, было неоднократно, с довольными рассуждениями в пользу Зенкова... Когда архимандрит, взяв лежавшие на столе ответы Зенкова и читая оные, заметил совсем противное записательству Зенкова, показавшего в ответах, вместо незнания, что пинание под бока и марание лица сажею между протоиереем, Лоскутовым и Зенковым было взаимное, и когда давал между тем архимандрит знать следователям, что ему оные пункты подписать должно, в то время асессор Попов, не дав ему дочитать оные, взял из рук его». Еще одно основание для обвинения следователей в пристрастности заключалось в том, что 11 января, «быв в квартире асессора Попова, архимандрит узнал, что потаенно его посещали брат исправника Лоскутова и чиновник Зенков».

Архимандрит был, в свою очередь, обвинен чиновниками в том, что он «во время производства следствия требовал присылки к себе карагасов под предлогом наставления их в вере», подобное «нарочитое собеседование его с ними» губернские власти сочли «не совместным с порученным ему делом». В свое оправдание Павел указывал, что «ему сделано было особое Его Преосвященством поручение, по коему он их, яко не совершенно утвержденных в вере, в свободное от производства следствия время утверждал в оной и обучал в Церкви истинам Евангелия».

В итоге архимандрит 14 января заявил следователям, что он не может уже «действовать... в звании депутата», а консистория 24 января предложила губернскому правительству составить «комиссию из других членов со стороны светской и духовной».

Губернское правительство, опровергая обвинения Павла «и признавая его в звании депутата только свидетелем, комиссию учредить не согласилось по

той причине, что якобы жалоба протоиерея о обиде есть частная, и оставив при следствии тех же следователей, требовало назначить депутата и увещателя, с тем, что когда они будут отряжены, тогда назначено будет и место, одно из нижеудинских присутственных».

Пункт о роли депутата с духовной стороны оказался принципиальным. Консistorия доказывала, что архимандрит как депутат при следствии «имел право и место судейское», и ссылалась на 12-й пункт 2-й главы «полковничьей инструкции от 8 декабря 1764 г.». Эта инструкция полковым командирам предписывала при рассмотрении в военном суде дела, сторонами которого были как горожане, подсудные магистрату, так и офицеры, «при том быть двум депутатам из земских, кои в суде имеют тоже самое право и место судейское, как и другие судьи». Если же дело рассматривалось в земском суде или в магистрате, то в суд полагалось посылать от полка офицера, который имеет «право судейское» [17, с. 976. Ст. 12289. «Инструкция пехотного полка полковнику»].

Консistorия 6 февраля повторила прежние требования и обвинения и добавила, что удаление исправника Лоскутова от должности необходимо еще и потому, что без этого невозможен допрос свидетелей из карагасов, так как они, «по слабости, свойственной их невежеству и легковерию, не могут сказать из опасения Лоскутова, яко начальника, самой истины, служащей к обличению Лоскутова». В заключение консistorия заявила, что она «в обязанность себе поставит представить о всех обстоятельствах дела сего по надлежащему вышнему начальству и просить оною защиты». Губернское же правительство отвечало, что «ассессору Попову и уездному судье Гриценкову предписано указом, прекратя производство начатого следствия, уволить всех прикосновенных людей и явиться самим к своим должностям».

В записке имеется еще один важный пункт. Губернские чиновники обвинили архимандрита Павла, что он увез с собой «переводчика из ясашных» Митрофана Каранотова, и требовали отослать его назад, либо сообщить, где он находится. Архимандрит в поданном им объяснении показал, что «по достаточному его знанию братского и русского языков оный Каранотов и был употребляем для переводу при утверждении в Евангельской вере крещеных карагас[ов],... но увозить его в Иркутск он не имел нужды, хотя при самом уже отбытии архимандрита, явившись к нему и упав в ноги, просил со слезами, чтоб исхитить его из рук нижеудинского злодейства и, взяв с собою, увезть, по крайней мере до Тулуновской слободы, объявляя, что его после отъезда его, архимандрита, в живых уже не оставят, а уморят под плетьюми, чему уже, по его словам, бывали многие примеры».

№ 5. Письмо Е. Ф. Лоскутова Иркутскому епископу Михаилу. 27 декабря 1817 г.

Ваше Преосвященство,
высокомилостивый отец и архипастырь.

Сколько для меня не больно и не чувствительно беспокоить сим особу вашего Преосвященства, только стекшиеся обстоятельства, раздирающие сердечные чувства, принуждают меня по уверенности в Архипастырском вашем ко всем прибегающим под защиту вашу покровительстве. Открыв вашему Преос-

вященству как истинному отцу случавшееся и случившееся мне от нижеудинского отца протоиерея Ильи Орлова огорчение – чувствительно меня тронувшее и совершенно последствием нарушившее спокойствие, просить милостивого на все то вашего воззрения, защиты и совершенного покровительства. Огорчения, случавшиеся и случившиеся, есть следующие. Почти с начала самого отца протоиерея Ильи приезда в Нижнеудинск, то есть с мая месяца 1816 года – он, несмотря на то, что я делал ему всегда ответственные сану его почтение и силам своим пособие, не знаю, с чего и почему начал делать мне притеснения и взводить на меня посредством уездных священников несправедливости, кои нет сомнения, чтоб и вашему Преосвященству не были известны, но как я был всегда и во всем невинен, то и отдавал те стечения^а суду божию и противу их хотя и имел право докладывать и объяснить^я вашему Преосвященству, но боялся и стыдился тем особу вашу беспокоить, надеясь впрочем, что и сам отец Илья более будет тронут, нежели чем другим, и восчувствовав мое противу всего унижение, обратится ко мне как пастырь, чего, признаюсь вашему Преосвященству, я с большею жадностью всегда желал, однакож ничто ево не могло убедить, и он, питая на меня всегда явно свое неудовольствие, решился в нынешнем месяце ево усовершенствовать. Как-то я в Нижнеудинске узнал следующим несправедливо выдуманном последствием, якобы я, бывши с ним в стойбищах кочующих карагас[ов], ево там сек и бил своими руками, не зная, справедливо ль сие, только знаю, что он вскоре после выезду из карагас уехал в Иркутск и будто бы только с тем, что я доложил.

Повер[ь]те, ваше преосвященство, повер[ь]те не мне, но Создателю. Есть ли он о изъясненном объяснил особе вашей или о том и формально вас просил^б, то просил^б выдуманно, ибо я пред ним не только упомянутым, но и ничем никогда не был виновным. И всегда от него уклонялся. Выдумка же ево могла, как сужу, последовать, кроме личного ево на меня неудовол[ь]ствия, и от того, что он, опасаясь, чтоб я допущенных им в карагасах неприятностей не довел до сведения вашего преосвященства. Сказанные же неприятности состояли в том: приехав отец Илия в 30-е ноября в карагасские стойбища и виде[в]ши^с со мной, оставался до 2 декабря спокойным, в сие же число пришед ко мне по полудни примерно в 4 часу и немного посидев, сначала начал меня побочно, а потом и явно без всякой вины и причины ругать. Что видя и чувствуя себя пред ним правым, просил ево то оставить и быть сколько можно снисходительнее, только он, несмотря ни на что, продолжал и мне, и бывшим со мной наносить огорчение, с чем и ушел, и в 3-е число уехал в Нижнеудинск. По выезде ево приехали в те улусы градской церкви диакон с дьячком с воли его, отца Илии, и привезли с собой немалое количество вина, начавши им поить карагас[ов], и довели их до того, что они были в совершенном сумасшествии. Чтоб сие удержать и карагас[ов] сколько можно вытрезвить (ибо они еще и ясак тогда не заплатили), решился послать к диакону просить ево от дачи вина карагасам удержат[ь]ся, только он, бывши оченно в подгулке, сего не уважил и карагасам вино давал свободно. Боясь дурных последствий, прибегнул к последнему и у него и дьячка вино отобрать и ево в виду всех карагас[ов] сжечь. Когда же приехал вторично отец Илия в улус, и я ему обо всем том объявил, тогда он, за

то поблагодаря меня, обещал им сделать подтверждение, чем я и почитал обстоятельство то кончилось, только он в 6-е число, быв у меня в числе прочих, обедал, пришедши после обеда в свою юрту*, приходил ко мне вновь, не знаю, притворно ль или справедливо в подгулке, и разговаривал разные на счет диакона и дьячка нелепости, от меня вторично при бывших людях ушел в свою юрту, немало не думая о последствии и почитая, что все сие было им сделано в подгулке, его оставил, он же в вечеру, когда приехал вторично священник Подгородной слободы Капитон Шергин с женою его к карагасам, начал с ним у него гулять, и во всю ночь с каким умыслом и для чего, мне неизвестно, поили карагас[ов]. Сколько сие было^в не больно слышать и видеть карагас[ов] пьянствующими, только я все то оставил и о том молчал. Однакож ничто отца Илью не убедило и он, видя большое мое молчание, считал наверно, что я о всем доведу до сведения вашего, чего, повер[ь]те, ваше преосвященство, я далек и всегда от того удаляюсь, но отец Илья, всегда полагая, что я к тому способен, и решился явно – есть ли только справедливо, что он о прописанном мной беспокоил ваше преосвященство, – мне нанести безвинно чувствительный удар, удар, огорчающий и начальство и родных. Воззрите, ваше преосвященство, на невинного, защитите ево вашим архипастырским рассмотрением и милостию и позвол[ь]те к прославлению священного имени вашего быть столько щастливым, чтоб я рукою вашею от всех неприятностей освободился.

Впрочем, поручая себя в Архипастырское ваше благорасположение, смею свидетельствовать особе вашего преосвященства от матушки, сестры и себя наше истинное высокопочитание, и испросив им и себе благословение, навсегда остат[ь]ся

вашего преосвященства
высокомилостивого отца и архипастыря
нижайшим слугою.

N. N.

Верно: секретарь Сидоров
27 декабря 1817 года. Бирюса

* *Обстоятельство гареньяг вина я выпустил у него нарочито, чтоб ево не [в]весть противо того в новые затеи. И чтоб оно не было доврема оглашено (Примеч. авт.).*

^а Так в ркп.; ^{б-б} вписано над строкой; ^в вписано над строкой; ^г так в ркп.

РГИА. Ф. 1264, Сибирский комитет. Оп. 1. Д. 79. Л. 35–39 об. Копия. Приложена к Записке Н. И. Трескина от 31 января 1818 г. под литерой Е.

№ 6. Прошение Н. И. Трескина. 31 января 1818 г.

Всемиловейший Государь!

Двенадцатый год управляя вверенною мне Вашим Императорским Величеством отдаленнейшею Иркутскою губерниєю с усердием и ревностию верноподданного, и во все сие время с твердостью и терпением нося тяжкое бремя служения моего, я не позволял себе утруждать Ваше величество никакими просьбами. Единую целию всех действий и способностей моих было: достиг-

нуть возможного устройства и благосостояния, в какие, при всех недостатках в способах, приведена мною Иркутская губерния.

Ваше величество, по личному засвидетельствованию о сем Сибирского генерал-губернатора, в 1812 г. благоволили обратить милосердый взор на службу мою и повелели возобновить к 30 августа того же года представление о мне. Но важнейшие обстоятельства, вскоре затем последовавшие, конечно не дозволили обременять сим Высочайшую Особу Вашего величества.

Сколь ни велико и сколь ни лестно для верноподданного таковое Высоко-монаршее Вашего величества внимание, но при обязанностях отца многочисленного семейства совершенное расстройство здоровья, изнуренного летами и продолжительными непрерывными трудами и заботами – истощенного суровостию здешнего климата и разрушенного, наиболее всего, жестокою силою влияния многообразных горестнейших скорбей, с службою в столь отдаленном и необыкновенном крае неразлучных, возбудило во мне смелость пасть с благоговением к священным стопам Вашего Императорского величества и всеподданнейше просить о всемилостивейшем увольнении меня от службы и неоставлении меня и семейства моего без приличного – милосердного призрения и содержания в малый остаток болезненных дней моих.

Есмь с глубочайшим благоговением
 Всемилоостивейший Государь!
 Вашего Императорского величества
 всеподданнейший^а
 Николай Трескин
 Иркутский Гражданский губернатор^а
 Иркутск
 Генваря 31 1818 года.

^{а-а} *Подпись-автограф.*

РГИА. Ф. 1264, Сибирский комитет. Оп. 1. Д. 79. Л. 1–2 об.

Помета: Ком[итет] министр[ров] 2 апреля к № 881. Отдано лично Его Величеством 22 марта.

№ 7. Записка Н. И. Трескина. 31 января 1818 г.

Записка

Прежде вступления в пояснение истинных причин начала следствия над нижнеудинским земским исправником Лоскутовым и проч., надобно предварительно объяснить, что сколько по долгу благоприличия, а более по сердечным чувствованиям нелицемерного уважения моего к особе Архипастыря, к особе, которая одним собственным примером Христолюбивой жизни в состоянии произвести столь нужное в здешнем отдаленном крае преобразование духовенства, – я с самого приезда сюда нынешнего Преосвященного Михаила не упустил ни одного случая к доказательству моего внутреннего расположения. Вступление его в управление здешнею Епархией старался я ознаменовать значительным в пользу здешней семинарии и Вознесенского монастыря пожертвованием, простиравшимся до 11 т[ыс.] руб. Личное обращение мое с ним и готовность, с каковою удовлетворяются и поныне всякие случающиеся требования

его по службе и частно, еще более могли уверить его в искреннем расположении моем содействовать всякому благому намерению его. При всем том нельзя было не заметить какой-то личной холодности и предубедительности, обнаружившихся в разных отзывах на стороне, не токмо собственно на мое лицо, но и на счет целого сословия гражданских чиновников. Между тем начали открываться различные беспорядки со стороны уездного духовенства и вместо прекращения коих мерами законной строгости, оказываемо было духовным начальством приметное снисхождение, примеры которого можно усмотреть из прилагаемой у сего под № 1 Записки о производившихся делах сего года по Нижнеудинскому уезду¹. Сии дела возродили особенное неудовольствие на нижнеудинского исправника, преувеличенное общими клеветами на счет того порядка, какой заведен и наблюдается сим чиновником по всем частям управления вверенным ему уездом.

Долговременное нерешение высшим правительством дела по изветам на меня бывшего вице-губернатора Левицкого², а к тому неприятные и известные здесь отражения Туруханского дела³ на главного начальника г[осподина] сибирского генерал-губернатора, питая гнездящийся здесь дух ябеды новыми надеждами, без сомнения основали уже новый комplot⁴, коему при явном неблагорасположении духовного начальства, не трудно обратить и оно на свою сторону.

Выдуманная протопопом Орловым на нижнеудинского исправника Лоскутова клевета есть очевидное действие сего комplotа. Основательность сего заключения доказывается нижеследующим изложением начального приступа к сему делу и продолжения оно:

18-го ч[исла] минувшего декабря в полученной мною от Преосвященного Михаила официальной бумаге, о беспорядках якутского протоиерея Дычковского, доведенных до сведения моего Якутским областным правлением, вложена была, без всякого объяснения, копия с письма, писанного нижнеудинским протопопом Орловым к одному из членов духовной консистории, и, как без всякого сомнения полагать должно, к архимандриту Павлу. Описанные в письме сем, у сего в подлиннике прилагаемом под лит[ерой] А⁵, жестокости, причиненные якобы Лоскутовым оному протопопу Орлову, по известным мне в течение десятилетнего служения Лоскутова под моим начальством правилам и поведению его, не могли не показаться мне подозрительными. Я приличным счел в партикулярной записке моей к Преосвященному выразиться таким образом, что описанное происшествие для меня вообще невероятно и представлено конечно в превратном виде. Но есть ли Преосвященному угодно будет дать сему делу законный ход, то с моей стороны не будет виновному никакой защиты и снисхождения. На сие не был я удостоен отзывом Преосвященного, а вместо того на другой день, т. е. 19 декабря, принята им самим от приехавшего сюда самовольно протопопа Орлова жалоба, которая 20 того же декабря при отношении духовной консистории прислана в губернское правительство для произведения исследования на месте, через особых чиновников и с настоянием о удалении Лоскутова от должности. Из одного простого сравнения содержания сей жалобы и вышепомянутого письма Орлова можно было видеть дерзость и клевету его. В письме единственным виновником представлен Лоскутов, при-

чинивший якобы ему всяческие жестокости, а в жалобе, напротив того, главным виновником поставлен другой отставной чиновник Зенков. Но, несмотря ни на сие, ни на то, что и жалоба, личную обиду в себе заключающая, подана на имя Преосвященного в противность высочайших: учреждений о губерниях, Устава Благочиния, Манифеста 1787 г. апреля 21 и Указа 1786 г. марта 19, повелевающих производить иск там, где ответчик подсудим⁶, – губернское правительство, единственно из уважения к настоянию духовного начальства и дабы не подать одному поводу к заключениям на счет защиты виновных, препоручило производство формального следствия в городе Нижнеудинске ассессору палаты уголовного суда Попову, обще с нижеудинским судьей Гриценковым⁷. На беспристрастие сих чиновников тем более положиться должно, что первый из них, служа в губернском городе, не имеет никаких связей с нижеудинскими чиновниками, а последний, также находясь при Строительной губернского правительства экспедиции^а ассессором, по недавнему определению в Нижнеудинск судьей, и именно 12 ноября минувшего года, не мог еще составить какие-либо связи.

Из представленных ко мне Лоскутовым и у сего прилагаемых в списке под лит[ерой] Б. ответов его на вопросные пункты⁸ открылось прежде всего то, что на месте съезда яшашных карагас[ов] протопоп Орлов, вместо исполнения своей должности, старался спаивать иноверцев привезенным им нарочно для сего вином, и по страсти к пьянству, опился наконец сам до такого бесчувствия и опасности, что есть ли б в то же время не успели дать знать о том Лоскутову, а сей не поспешил бы помощью своею, то Орлов, конечно, умер бы. Опасаясь, чтоб Лоскутов не донес всего сего до сведения своего начальства и питая к нему личную ненависть, Орлов решился выдумать все то, что помещено им в вышепомянутых письме и жалобе. Назначенный депутатом к сему следствию архимандрит Павел, предвидя, что производством следствия на порядке законном, нельзя будет исполнить возложенного на него начальством его поручения обвинить Лоскутова, решился на такие действия, кои, кроме нарушения законного порядка, весьма неприличны и предосудительны для его сана. Вместо того, чтобы по точному смыслу указов 1791 г. 26 сентября и 1810 г. 23 мая находиться при следствии в звании депутата тогда токмо, когда к спросу призваны будут духовные чины, он присвоил себе звание члена или равного с гражданскими чиновниками следователя со стороны Духовной, подписывал все постановленные следователями журналы; вошел в непосредственную переписку с Нижнеудинским земским судом; самопроизвольно собирал в Церковь карагасов и, под предлогом проповеди им слова Божия, склонял и принуждал их сделать на исправника Лоскутова показания, согласные с клеветами протопопа Орлова; вытребовал к себе и имел намерение увезти с собою, также под предлогом проповеди слова Божия, наказанного по суду торговою казнию яшашного карагаса Каранотова, не утратившись в официальной земскому суду бумаге выразиться сими словами: «Ежели земский суд сомневается, могу ли я употребить в пособие по делу Божию такого человека, который потерпел некоторое бесчестие по суду человеческому, то я намерен в сем случае последовать моему Спасителю, который не погнушался принять в дело спасения и самого разбойника

и удостоил его крестной своей беседы. Сверх того и судя по-человечески могу на сие решиться» и проч.; – во время производства следствия, дабы иметь предлог остановить и запутать оное⁶, выдумал подозрение на следователя асессора Попова, не подкрепленное никакими законными доказательствами и обнаруживающее самые низкие и предосудительные под иски.

Все сие в совокупности с самовольным выездом его из города Нижнеудинска, с неокончением начатого следствия; с новыми доносами его на заседателя нижеудинского земского суда Петрова⁹, и на все нижеудинское местное начальство в слышанных якобы им от вышепомянутого ясажного Каранотова [о] каких-то бесчеловечных деяниях земской полиции; с обнаруженными Лоскутовым бумагами со стороны Преосвященного и с последним настоянием духовной консистории о назначении на места оподозренных архимандритом следователей асессора Попова и судьи Гриценкова других чиновников – служит явным доказательством открытого действия духовного начальства противу гражданского и намерение из пустых и самых дерзких клевет протопопа Орлова, вывести такое дело, следствия коего имели бы неприятное влияние на гражданское начальство.

Представленные Лоскутовым бумаги заключаются в следующих у сего приложениях:

Под лит[ерой] С. подлинное письмо ко мне Лоскутова, просящего защиты противу преждевременного осуждения его здешним Преосвященным¹⁰.

Под лит[ерой] D. копия с письма к матери Лоскутова от Преосвященного, присуждающего Лоскутова к оглашению пред Церковию, яко упрямого прелушника оныя.

Под лит[ерой] E. список с письма к Преосвященному от Лоскутова, хладнокровно, почтительно и убедительно объяснившего невинность свою и клевету Орлова¹¹.

Под лит[ерой] J. список с предписания Лоскутова Волостным правлениям, по случаю деланных в уезде архимандритом Павлом вредных разглашений и собирания разных сведений¹².

Под лит[ерой] G. список с предписания Преосвященного Михаила к нижеудинскому священнику^B Иоанну Лахину писанного^B, подобно письму к матери Лоскутова, в духе, ни времени, ни просвещению нынешнему, ниже власти духовной неприличном.

Из сих, столь необыкновенных в своем роде и духе бумаг здешнего Преосвященного, и собственного удостоверения архимандрита Павла, что он действует по предписанию своего начальства, видно, что сие последнее возложило на него решительное защищение протопопа Орлова всеми возможными средствами, и что нарочитое продолжение начатого следствия, нужно духовному начальству для того, дабы между тем представить высшему правительству настоящее дело в самом превратном виде и дать ему такой ход, в коем могли бы принять участие и прежние здешние доносчики, для довершения того, чего не успели сделать известные высшему правительству ябедники Сибиряков, Мыльников, Передовщиков, Куклин, Петухов и проч[ие]¹³.

Будучи беспрерывно терзаем подобными интригами с самого вступления моего в Иркутскую губернию, не видя никакого внимания к двенадцатилетней службе моей в столь отдаленном крае и к устройству, в какое приведен оный мною, – находясь в беспрестанной борьбе с врагами моими и в опасности ожидания новых доносов, прежде, нежели получают окончательное решение старые, – я принужденным нашелся обратиться к [господину] сибирскому генерал-губернатору, яко главному моему начальнику, с последнею и настоятельною просьбою о том только, дабы как для удостоверения о настоящем состоянии всех частей управления здешней губернии, так для исследования по жалобе протопопа Орлова и для положения конца всем действиям здешних ябеднических комплотов назначена была сюда высочайшею доверенностию уполномоченная особа. Вместе с удовлетворением меня в сей единственной и не имеющей иной цели просьбе, кроме защиты моей чести и долговременной усердной службы Отечеству, и кроме ограждения несчастной Иркутской губернии от дальнейших следствий ябеднических крамол, – я должен просить и о совершенном увольнении меня от управления губерниею, по совершенному изнеможению душевных и телесных сил моих и по обстоятельствам, требующим лучшего устройства многочисленного моего семейства.

Наконец^Г, говоря собственно об исправнике Лоскутове, я считаю моим особенным долгом торжественно подтвердить^Г, что чиновник сей в течение десятилетнего служения его под моим начальством не подал ни одного поводу^Д к обращению на него невыгодного замечания. Исполнение первых возложенных на него поручений, по должности смотрительского помощника над поселениями, открыло в нем отличительную способность полицейского офицера и хозяина. Смерть предместника его доставила ему случай заступить его место и более оправдать доверенность начальства. Водворение 2 210 душ поселенцев – образцовое устройство целых селений в местах, до того непроходимых – приучение сих, закореневших в разврате и сбродных из всякого звания и рода людей к трудолюбию и хозяйству – разведение до 8 300 десятин собственного поселенческого хлебопашества – учреждение внешнего полицейского порядка и совершенная безопасность в проезде по дороге, известной до того разбоями и грабежами, и вообще приведение всех поселенцев в такое состояние, что они и в хозяйстве, и в образе жизни превосходят уже старожилых государственных крестьян, – все сие по истинной и строгой справедливости должен я приписать единственно способностям и неутомимому усердию Лоскутова. Из признательности к сим заслугам, а более по известному недостатку здесь в способных чиновниках, и по запущениям, в какое приведен был весь Нижнеудинский уезд беспечною прежнего земского начальства, я определил его^Е в настоящую должность земского исправника – о чем известно и высшему начальству.

Один простой взгляд на теперешнее состояние внешних частей управления сего уезда может всякого удостоверить в отличной внимательности и попечительности местного начальства. Со^Ж стороны поведения исправник Лоскутов известен мне лично как благороднейший^З и благовоспитанный человек^И, и клеветы, взведенные на него протопопом Орловым, тем менее можно приложить к нему, чем известнее природная слабость здоровья его, и совершенная

неспособность не только к страстному питью, но даже к обыкновенному употреблению горячих напитков. Все сие может быть подтверждено беспристрастным исследованием, коего сам он требует с твердостью, благородному и умеющему ценить честь свою чиновнику свойственной.

Гражданский^к губернатор
Н. Трескин^к

^аИспр., в ркп. экспедиции; ^бвписано над строкой; ^{в-в}отчеркнуто на полях; ^{г-г}отчеркнуто на полях; ^дтак в ркп.; ^евписано над строкой; ^{ж-н}отчеркнуто на полях; ^{з-н}подчеркнуто; ^{к-к}подпись-автограф.

¹В записке приводилось несколько примеров промедления консистории в наказании священно- и церковнослужителей за обычные для того времени проступки – неявку священника С. Орлова для исповеди и причащения больных, побои священником И. Преловским поселенца Букина, кражи и т. п. Менее обычно утверждение, что «Большеокинской Ильинской церкви староста ясашной Егор Попов отрекся от поданной Нижнеудинскому духовному правлению от имени его объяснения и от личного протоиерею Орлову о том объявления, и что объяснение в небытность его при своем доме писано заочно самим священником той церкви Никифором Тютюковым и подписано дьячком без его ведома, о содержании коего он доныне не знал [26, л. 43–44 об.]

²Левицкий Карп Иванович, статский советник, иркутский вице-губернатор [2, с. 352]. По словам И. Т. Калашникова, он «осмелился встать за правду», поддержав жалобы на Пестеля и Трескина [10, с. 308].

³В Туруханском крае в 1810–1811 и 1815–1816 гг. население страдало от голода, было даже несколько «ужасных случаев убийства и людоедства с голоду». Расследование центральные власти поручили командующему войсками, расквартированными в Сибири, генерал-лейтенанту Г. И. Глазенапу. Отправленный на место обер-аудитор Камаев обнаружил «чудовищные упущения в заготовке хлеба», злоупотребления и «крайнее угнетение инородцев». Пестелю пришлось представлять многостраничные оправдания [9, с. 94; 7, с. 39].

⁴Комплот – заговор (от франц. Complot).

⁵См. документ № 1.

⁶Статья 110 «Учреждений для управления губерний Всероссийских» гласила, что следствие должен вести из «судов тот, в подсудном ведомстве которого тот уголовный преступление учинилось» [19, с. 239. № 14392]. Устав Благочиния указывал на необходимость сотрудничества различных судебных органов, но в то же время требовал не вступаться «в подсудное ведомство другого места» [20, с. 469. № 15379]. Манифестом о поединках от 21 апреля 1787 г. предписывалось, что иск «в обиде личной» есть «иск гражданский». Однако там же указывалось, что иск «в обиде тяжкой» есть «иск уголовный», а тяжкой обида считалась, «буде обиженный обижен во время отправления своей должности» [21, с. 842 № 16535]. Именно на последний тезис ссылались духовные власти, доказывая право протоиерея Орлова не сводить свою жалобу к частной обиде. Указ от 19 марта 1786 г. так и назывался: «О производстве судебных дел в тех присутственных местах, которым ответчик подсудим» [21, с. 558. № 16357]. Решение Сената, утвержденное Екатериной II 26 сентября 1791 г., содержало требование «приглашать... к исследованию учинившегося происшествия... депутата со стороны духовной, при котором и требовать с людей духовного чина объяснений и свидетельств» [22, с. 254. № 16986]. Основное содержание указа заключалось во введении постоянных («непременных») депутатов от духовенства, что было необходимо для предотвращения затягивания следствия присылкой депутатов, назначаемых каждый раз заново. И в нем, и в подтвердившем его сенатском указе от 23 мая 1810 г. повторялось запрещение «духовного чина людей брать в гражданское правительство, кроме тяжких государственных дел» [22, с. 252, 254. № 16986; 23, с. 193–105. № 24239].

⁷Попов Михаил Григорьевич, в 1813 г. секретарь Иркутской губернской палаты гражданского суда [3, с. 355]; Гриценко Осип Васильевич, в 1821 г. судья нижнеудинского уездного суда [5, с. 386], ранее был ассессором исполнительной экспедиции по строительной части [4, с. 375].

⁸См. ниже.

⁹ Петров Иван Алексеевич, коллежский секретарь, заседатель Нижнеудинского земского суда [4, с. 378].

¹⁰ В этом письме Лоскутов напоминал, что служил «под особым покровительством и защитою» Трескина, чье клевета Орлова стала причиной появления письма от епископа Михаила на имя матери Лоскутова и предписания его же Лахину, копии с которых прилагал. В заключение он просил защитить его «от напрасно выводимой» со стороны духовенства клеветы и избавить «от определяемого» епископом «прежде суда наказания» [26, л. 31–32].

¹¹ См. документ № 5.

¹² 10 января 1818 г. Лоскутов направил волостным правлениям предписание «по ведомству своему везде и всем жителям подтвердить, чтобы они никаким нелепым на счет мой слухам не верили... в противном же случае со всяким и за всякое соглашение с нелепостями... поступится по силе законов». При этом прямо указывалось, что слухи эти распускали протоиерей Орлов и архимандрит Вознесенского монастыря Павел [26, л. 40–41 об.].

¹³ И. Б. Пестель и Н. И. Трескин ссылались на «традиционный для сибиряков “дух ябеды”», им «удалось сфабриковать ряд дел против наиболее влиятельных представителей купечества» [9, с. 92]. Иркутские 1-й гильдии купцы Сибиряков Михаил Васильевич (1744–1814) и Мыльников Николай Прокопьевич (1745–1815) в начале XIX в. «отстаивали права городского самоуправления» [30, с. 72, 257]. В 1809 г. оба «как главные возмутители спокойствия были высланы в Нерчинск и Баргузин соответственно» [27, с. 60]. Откупщик Передовщиков, бывший ссыльный, разбогател и в 1807 г. «взял на откуп пол-России и всю Сибирь», но Трескин, воспользовавшись тем, что официальные сведения об этом долго не поступали в Иркутск, «принял откуп в казну и сдал его с торгов уездным откупщикам». Попытки протестовать привели к тому, что были отысканы «злоупотребления, всегда существовавшие в откупном деле». Передовщиков был осужден и сослан в Нерчинск [7, с. 20–22]. Титулярный советник Логин Петухов, по некоторым сведениям, будучи уездным стряпчим, вызвал гнев губернатора, был уволен и отдан под суд. Пытался жаловаться, был выслан «как вновь открытый “вредный ябедник”» в Туруханск, после нескольких лет преследования сошел с ума [7, с. 23–29]. Куклин – откупщик, разорившийся вследствие неурожая, «пробираясь в Петербург искать правосудия, был задержан в Тобольске и умер в тюрьме» [10, с. 29].

РГИА. Ф. 1264, Сибирский комитет. Оп. 1. Д. 79. Л. 3–15 об. Копия. Помета: Комитет министров 2 апреля № 881.

В ответах на вопросы следственной комиссии Е. Ф. Лоскутов показал, что протоиерей и сопровождавшие его церковнослужители приехали в стойбища карагасов 30 ноября 1817 г. Он уточнял: «Священники из Нижнеудинска по выходе карагас[ов] ежегодно к ним в стойбища для исправления треб ездят, потому что все карагасы крещеные, и они имеют там своих прихожан. Числом же всех карагас[ов] мужеска пола 261, а женска пола 285 душ». 3 декабря Орлов уехал в Нижнеудинск, а дьякон и дьячок городской церкви, приехавшие в стойбища вместе с ним, остались и начали поить карагасов привезенным вином «и довели их до того, что они были в совершенном сумасшествии, а чтоб сие удержать и карагас[ов] сколько можно вытрезвить, ибо они и ясаку тогда еще не взнесли». Лоскутов, «боясь дурных последствий, приказал... у диакона и дьячка вино отобрать и его в виду всех карагас[ов] сжечь». Орлов вернулся 5 декабря, а 6-го пришел в квартиру Лоскутова опять «в подгулке». Здесь все вместе отмечали день Св. Николая. «По окончании обеда протоиерей Орлов, – продолжал Лоскутов, – между шуточными разговорами, напросясь выпить еще два или три стакана водки, отчего сделавшись довольно хмельным, и замарав руки свои с стоявшего в юрте котла сажею, покушался замарать меня, но я до

сего его не допустил; потом бросился на лекаря Солухина и Зенкова; по-видимому с намерением замарать и их сажею же, но сии тоже не допустили его, после чего начал он, Орлов, шуточно толкать, сначала лекаря Солухина, а потом Зенкова, кои чему ответствовали тем же. Я, видя таковые его Орлова неприличные его сану шутки, просил его оные оставить, кои прекратя и посидев немного, он пошел в свою юрту». Через некоторое время к Лоскутову подошел незнакомый карагас и «объявил, что протоиерей Орлов в своей юрте горит с вина». Лоскутов и сопровождавшие его чиновники и лекарь нашли протоиерея в его юрте «лежащего без чувств, из рта коего текла пена, что увидя, я по совету лекаря, а более из сожаления к человечеству, приказал карагасам подавать снегу, и рас[с]тегнув у протоиерея жилетку, начали снегом тереть грудь и голову, и чрез несколько времени, приведя его в чувство, Заболоцкий и Зенков вышли из юрты вон, а я с лекарем оставался еще в оной, и когда протоиерей совершенно опомнился, и выпивши чашку холодной воды, захотел спать», Лоскутов и его спутники ушли. Далее он утверждал, что тем же вечером Орлов вновь начал «гулять» в юрте приехавшего священника Капитона Шергина и поить карагасов. Когда Лоскутов встретился с Орловым, то последний не жаловался, «а говорил, что он вчера, то есть 6 числа, изувечился от того, что днем и ночью от довольной подгулки падал на землю, и о том, чтоб посмотреть боевые его знаки на теле, он как бы тем хвастал, вызывался; но я, поставляя то себе предосудительным, справедливо отозвался, что смотреть всего того не хочу». После этого Орлов, Лахин и сопровождавшие их пришли к Лоскутову, где пили чай и водку, «и распротясь со всеми нами по-дружески, ушел в свою квартиру, и отголь уехал... обратно в город. Посему, ежели б мною или бывшими в юрте моей чиновниками нанесена была протоиерею каковая либо обида, то б он, конечно, более в мою квартиру зайтить не решился», – резонно заключал исправник [26, л. 16–30 об.]

№ 8. Выписка из Мемории Комитета Министров 12 ноября 1818 года по делам, требующим высочайшего разрешения. Копия

Помета: «Государь Император, по рассмотрении сего журнала, разрешить оный соизволил данным Правительствующему сенату в 22-й день сего марта именным указом, в копии при сем прилагаемым, об определении сибирским генерал-губернатором тайного советника Сперанского, к коему препровождена и Высочайше утвержденная вновь инструкция сенаторам, командированным для обревизования губерний».

...

Комитет Министров в два заседания ноября 14 и 16 чис[е]л 1818 года, занимался рассмотрением поступивших в Комитет дел по сибирским губерниям.

1. Относительно существовавшего недостатка в продовольствии народа по Туруханскому округу Томской губернии; 2. По доносам надворного советника Гарновского о злоупотреблениях по Иркутской губернии; 3. О ссоре, вышедшей в Иркутской губернии между духовным и гражданским ведомством. Дела сии состоят, кратко, в следующем.

...
III. О ссоре, вышедшей в Иркутской губернии между духовным и гражданским ведомством.

В марте месяце сего года статс-секретарь Марченко, по Высочайшему повелению, препроводив в Комитет всеподданнейшее письмо сибирского генерал-губернатора с приложениями по сему делу и особенно просьбу губернатора Трескина об увольнении от службы, объявил, что Государю Императору угодно, чтобы по получении от сибирского генерал-губернатора сведений, требуемых по тому делу, по которому назначал Комитет сенаторов в Сибирь, – рассмотрены были совокупно и сии бумаги в Комитете и, ежели отправление сенаторов будет решено, то от их уже ревизии зависеть будет и разрешение просьбы иркутского губернатора. Дело о ссоре возникло по жалобе нижнеудинского протоиерея Орлова, что он во время отправления должности своей между кочующими карагасами был прибит исправником Лоскутовым. Для произведения по сей жалобе следствия назначены были депутаты от гражданского и духовного начальства; но следователи гражданские действовали одни и не допустили депутата с духовной стороны в том участвовать. Духовное начальство требовало, чтобы для следствия назначены были другие чиновники; но Иркутское губернское правительство, относя все беспорядки к неправильному действию духовного депутата, отказало в исполнении сего требования, а вскоре затем, по предписанию генерал-губернатора, остановило всякое действие по сему делу. В сем положении генерал-губернатор сделал донесение свое Государю Императору, а Иркутский Преосвященный вошел с представлением в Святейший Синод и просит, для открытия истины происшествия с протоиереем Орловым, назначить комиссию из чиновников других, а не сибирских губерний: ибо судя по правилам жестокого управления иркутского губернского начальства, должно ожидать, что тамошние чиновники, будучи в страхе и безмолвном послушании, не откроют истины и покажут только то, что угодно их начальству. В особом письме к министру духовных дел и народного просвещения Преосвященный изъясняется сими словами: «что он лично ничего не терпит от тамошнего гражданского губернатора, но страждет в растерзываемой как бы волками пастве его. Их ежедневный вопль пронизывает и сквозь толстые стены Архиерейского дома». О действиях же губернского начальства говорит так: «Нечестие и бесстыдное притворство, дерзость и самонадеянность с деспотизмом, презрение к людям и страданиям их, выбор и отличие чиновников, деятельных только в разорении поселян, особливо братских, система набогачать себя и во всем монополия. – Сии черты отличают тамошнее правительство от внутренних губерний России».

Святейший Синод, по рассмотрении поступивших в оный бумаг, нашел, что назначенные к следствию гражданские чиновники, действительно, отступили от предписанного порядка, почему и ходатайствует, чтоб о причиненной протоиерею Орлову обиде произведено было исследование чрез чиновников, начальству сибирского генерал-губернатора не подведомых^a, впрочем, Синод, основываясь на узаконениях, признает, что назначенный с духовной стороны депутат не есть токмо свидетель, но равный производитель следствия, и потому

без него не должно отдельно действовать светским чиновникам, командирваемым к произведению исследования по какому-либо делу. Министр духовных дел и народного просвещения, будучи совершенно согласен с заключением Святейшего Синода, представляет о сем на рассмотрение Комитета министров.

...

Комитет, сообразив все заключающиеся в означенных делах обстоятельства... замечает, что все сии жалобы, доносы и беспорядки по сибирским губерниям проистекают единственно от того, что нет на месте главного оных начальника и что есть ли оставить сей отдаленный и по многим отношениям столь важный край на будущее время в настоящем положении, то в оном неминуемо увеличиваться лишь будет расстройство по всем частям управления. Сии уважения неоднократно уже побуждали и теперь заставляют заключать, что для ближайшего за всем надзора сибирский генерал-губернатор пребывание свое иметь должен во вверенных ему губерниях...

Ныне, когда возникшие вновь доносы, жалобы и другие дела, в Сибирском комитете рассматриванные^б, не только открывают весьма сильные причины сомневаться в сообразном с пользами службы поведении иркутского гражданского губернатора Трескина, которые генерал-губернатор во всем защищает, но убеждают верить, что там действительно существуют, если не явные злоупотребления, то по крайней мере многие беспорядки, требующие неукоснительного исправления на месте, Комитет признает, что по отдаленности и пространству сибирских губерний, ни чрез отправление сенаторов, ни чрез доверенную особу, цели сей достигнуть не можно: ибо, как на обревизование оных, так особенно на произведение в надлежащем порядке всякого исследования, потребуеться весьма долгое время, и потому, для скорейшего искоренения, буде есть, зла и водворения в том крае должного благоустройства, решительно мнением полагает: 1, назначить в Сибирь нового генерал-губернатора и отправить его туда сколь можно неотлагательнее с тем, чтобы он по вступлении в должность обозрел на месте все части управления, и произведя по всем вступившим ныне жалобам законное изыскание, донес Его Императорскому Величеству для предания виновных суду. Мера сия не должна быть нисколько предосудительна или обидна для нынешнего сибирского генерал-губернатора тайного советника Пестеля, потому что если все обнаруживаемые ныне злоупотребления найдены будут недоказанными, а жалобы и доносы неосновательными, то он сугубое иметь будет право на уважение и признательность Верховного Правительства и на Высочайшую к себе доверенность. 2-е, иркутского гражданского губернатора Трескина ныне же уволить от службы, так как он сам о том просит, предписав ему впрочем, чтоб на случай могущих потребоваться от него объяснений, не выезжал из Иркутска дотеле, доколе новый сибирский генерал-губернатор за нужное признавать будет. И 3, при увольнении Трескина, определить на его место в Иркутск другого губернатора.

^аТак в ркп.; ^бтак в ркп.

РГИА. Ф. 1264. Оп. 2. Д. 160. Л. 537–565 об. Отрывки.

Список литературы

1. Адрес-календарь Российской империи на 1807 год. – СПб. : Имп. акад. наук, 1807. – Ч. 2. – 511 с.
2. Адрес-календарь Российской империи на 1812 год. – СПб. : Имп. акад. наук, 1812. – Ч. 2. – 516 с.
3. Адрес-календарь Российской империи на 1813 год. – СПб. : Имп. акад. наук, 1813. – Ч. 2. – 527 с.
4. Адрес-календарь Российской империи на 1818 год. – СПб. : Имп. акад. наук, 1818. – Ч. 2. – 548 с.
5. Адрес-календарь Российской империи на 1821 год. – СПб. : Имп. акад. наук, 1821. – Ч. 2. – 570 с.
6. Безответственность чиновника // День. – 1862. – 27 янв. – С. 11–12.
7. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. – СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1872. – Т. 1. – 810 с.
8. Записка о преосвященном Михаиле, архиепископе Иркутском, Нерчинском и Якутском // Забайкальские епархиальные ведомости. – 1902. – № 12/13. – Часть неофиц. – С. 10–17.
9. Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / гл. ред. Л. М. Дамешек. – Иркутск : ВостСибкнига, 2012. – 800 с.
10. Калашиников И. Т. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – С. 256–396.
11. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского / М. А. Корф. – СПб. : Изд. имп. Публичной биб-ки, 1861. – Т. 2. – 388 с.
12. Мельникова Л. В. Тофы / Л. В. Мельникова. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 302 с.
13. Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX в. / О. Е. Наумова – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 1996. – 208 с.
14. [Нил (Исакович Н. Ф.) Иерархи, преемствовавшие Иннокентию Святому, на кафедре Иркутской паствы // Ярославские епархиальные ведомости. – 1861. – Часть неофиц. – № 50. – С. 537–540; № 51. – С. 554–559.
15. Пестель И. Б. Записка о службе И. Б. Пестеля, им самим писанная // Рус. архив. 1875. – № 4. – С. 370–414.
16. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ–1). – СПб. : Тип. 2-го отд. собств. е. и. в. канц., 1830. – Т. 6. – 815 с.
17. ПСЗРИ–1. – СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канц., 1830. – Т. 16. – 1016 с.
18. ПСЗРИ–1. – СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канц., 1830. – Т. 17. – 1115 с.
19. ПСЗРИ–1. – СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канц., 1830. – Т. 20. – 1034 с.
20. ПСЗРИ–1. – СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канц., 1830. – Т. 21. – 1083 с.
21. ПСЗРИ–1. – СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канц., 1830. – Т. 22. – 1158 с.
22. ПСЗРИ–1. – СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канц., 1830. – Т. 23. – 969 с.
23. ПСЗРИ–1. – СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канц., 1830. – Т. 31. – 942 с.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 99. Д. 130. По репорту Пр[ео]св[ященно]го Иркутского с донесением о причиненной тяжкой обиды Нижнеудинского д[уховного] правления присутствующему протоиерею Илье Орлову нижнеудинским исправником Лоскутовым.
25. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 160. Мемории Комитета Министров за сентябрьскую треть 1818 г.

26. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 79. По вопросу о нанесении побоев нижеудинскому Иркутской губернии протоиерею Орлову нижеудинским же земским исправником Лоскутовым.

27. *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск : Изд-во Ом. ун-та, 1995. – 237 с.

28. *Римский С. В.* Русская православная церковь и государство в XIX веке / С. В. Римский. – Ростов н/Д : Гефест, 1997. – 384 с.

29. [Стогов Э. И.] Очерки, рассказы и воспоминания Э... ..ва. III. Бунт архиепископа Иринья // Рус. старина. – 1878. – № 9. – С. 99–118.

30. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. – Новосибирск : Гео, 2013. – Т. 2. – 464 с.

Case on «Controversy between Clerical and Civil Authorities in Siberia»

N. P. Matkhanova

Abstract. The article examines unpublished documents from the Russian State Historical Archives on a notorious case on the punishment procedures committed by the district police officer Loskutov over the archpriest Orlov. The case was considered in the supreme echelons of government and lead to the dismissal of Siberian Governor-General I. B. Pestel and Irkutsk Governor N. I. Treskin. The documents contain substantial information on life, work activities and relationship of local officials and representatives of clergy. Besides, the documents provide some data on the number of Tofalars (the Karagas) in 1817.

Keywords: Siberian administration, Irkutsk province, N. I. Treskin, the Russian Orthodox Church, Irkutsk diocese, Diocesan Michael (Burdukov), Tofalars.

Матханова Наталья Петровна
доктор исторических наук, профессор
Институт истории СО РАН
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
тел.: 8(383)33–03–821
e-mail: istochnik_history@mail.ru

Matkhanova Natalia Petrovna
Doctor of Sciences (History),
Professor Institute of History SB RAS
8, Nikolayev st., Novosibirsk, 630090
tel.: 8(383)33–03–821
e-mail: istochnik_history@mail.ru